

И. А. КНИГИН

«...В “Чайке” всё сценично...» (Л. Е. Оболенский о пьесе А. П. Чехова)

В обширном и многоликом творческом наследии Л. Е. Оболенского (1845–1906)* А. П. Чехов занимает неслучайное и очень заметное место. В своих мемуарах Оболенский рассказал о том, что на незаурядный талант Чехова просил обратить его внимание ещё в начале восьмидесятых годов обладавший редкой «художественной чуткостью» писатель и учёный-зоолог Н. П. Вагнер**. Личная же встреча Чехова и Оболенского состоялась только в середине марта 1894 года***, а о том, как это произошло, поведал в воспоминаниях журналист В. А. Фаусек:

«Как-то я сказал Антону Павловичу, что в Ялту приехал Оболенский и очень хочет с ним познакомиться.

— Какой Оболенский? Леонид? — спросил Чехов.

— Да, Леонид Егорович.

— Вот с ним мне до сих пор как-то не случилось встретиться. Познакомьте, я буду очень рад. Я этому человеку так много обязан.

И Чехов рассказал, что еще в начале его литературной карьеры, когда он писал еще под псевдонимом “Чехонте” и был полной неизвестностью, Л. Е. Оболенский напечатал фельетон, в котором очень лестно отозвался об его работах.

---

* См.: Книгин И. А. 1) Леонид Егорович Оболенский — литературный критик. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992. 105 с.; 2) [при участии П. И. Овчаровой]. Оболенский Леонид Егорович // Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь. Т. 4: М-П. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. С. 376–378.

** Оболенский Л. Е. Литературные воспоминания и характеристики (1854–1892 г.) // Исторический вестник. 1902. Т. LXXXVII. № 2. С. 495.

*** Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. Т. 3. Май 1891–1894 / Сост. М. А. Соколова, И. Е. Гитович. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 488.

— Это был первый критик, который меня заметил и поощрил! — сказал Антон Павлович. — А мне в то время ободряющее слово литературной критики было очень нужно, очень дорого. Я тогда еще блуждал в поисках своего настоящего призвания, сомневался в достоинстве своих писаний, в своем литературном даровании. Оболенский первый своей похвалой окрылил меня и вдохновил на продолжение занятий художественной литературой. Я давно жду случая поблагодарить его за это!»*

По поводу нового знакомого Чехов сообщал А. С. Суворину 10 апреля 1894 года: «В Ялте познакомился я с Леонидом Оболенским. Умный человек, но производит впечатление человека, которого учили, учили и заучили. У него ни одна фраза не обходится без эмоции. С ним нескучно, впрочем, и педантизма в нём нет» (П 5, 288). Знакомству с Оболенским тогда же Чехов уделил внимание и в письме В. А. Гольцеву: «В Ялте я познакомился с Л. Е. Оболенским — с насекомым, тебе знакомым, как говорит К. Прутков. Умный, интересный человек, но заела его “эмоция”» (П 5, 289). О теме одного из их разговоров в Ялте можно судить из письма Оболенского к Чехову от 31 марта 1894 года: «Представьте себе, многоуважаемый Антон Павлович, что я до сих пор думаю о вопросе, который возник во время нашей последней беседы, т. е. можно ли *доказать* с точки зрения *утилитарной* вред смертной казни?» (П 5, 539). И это письмо Оболенского, и признание Чехова в письме к В. А. Фаусеку от 4 августа того же года («Где теперь Л. Е. Оболенский? Хотел я ему написать, да не знаю наверное, в Ялте ли он» — П 5, 308) свидетельствуют о том, что между ними была предпринята попытка установить переписку, которая, к сожалению, по неведомым причинам не получилась.

В русской журнальной литературной критике Оболенский, без преувеличения, стал по сути первооткрывателем Чехова, сумев разглядеть его выдающееся дарование, необычайно высоко оценив и проницательно аттестовав сборник «Пёстрые рассказы»**. К характеристике чеховского творчества в целом и прозаических произведений в частности он неоднократно обращался на протяжении многих лет, настаивая на том, что «Чехов — не просто большой талант, а талант — выдающийся, редкий»***, уделил писателю совершенно особое, значительное место

* Фаусек Вяч. Моё знакомство с Чеховым // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: ГИХЛ, 1954. С. 184. (Серия лит. мемуаров).

** Оболенский Л. Е. Обо всём. (Критическое обозрение) // Русское богатство. 1886. № 12. С. 166–196.

*** Оболенский Л. Е. Последние рассказы А. П. Чехова. (Журнальное обозрение) // Одесский листок. 1899. № 19. 21 января. С. 1; см. также: Оболенский Л. Е. А. П. Чехов в его первых произведениях. (Критический этюд) // Одесский листок. 1900. № 173. 6 июля. С. 1.

в своей итоговой книжке о М. Горьком*. Основательные и убедительные высказывания Оболенского оказались замеченными современниками и, думается, совершенно справедливо были включены в специальные литературно-критические сборники о Чехове и его творчестве, увидевшие свет после кончины писателя**.

Не осталась без его придирчивого внимания, облеченного в социально-эстетическую оболочку с осязаемой порой примесью лозунговых этических постулатов (это особенно бросалось в глаза при оценке «Иванова» и «Трех сестер»), и драматургия Чехова. Оболенский осудил «Иванова», в котором усматривал избыточность «социологической точки зрения» и недостаток истинной художественности, считая пьесу непродуманной и недоделанной и подчеркивая, что «во всех более крупных вещах г. Чехова нет единства, а есть только прекрасные отдельные картинки»***. В «Трех сестрах», по мнению критика, «есть масса драгоценных перлов той особенной художественной работы, которую в живописи зовут “миниатюрой”. Она-то и гипнотизирует, заставляя совершенно не видеть вопиющих неверностей против действительности в целом произведении. <...> Его “Три сестры” как будто брошены на необитаемый остров или отгорожены китайской непроницаемой стеной от всего остального мира кроме полдюжины офицеров!»**** О «Вишневом саде» Оболенский высказался невнятно и как-то вскользь в одном из многочисленных литературных обзоров, которые ему доводилось вести в провинциальных газетах 1900-х годов*****.

«Чайку» же принял с беспрекословным восторгом и (опять!) стал по сути первым рецензентом, причислившим пьесу к лучшим образцам отечественной драматургии, и сделал это в момент ее почти всеобщего неприятия литературно-театральным сообществом. Как заметил

* *Оболенский Л. Е.* Максим Горький и причины его успеха. (Опыт параллели с А. Чеховым и Г. Успенским). Критический этюд. СПб., 1903.

** *Лысков А. П.* А. П. Чехов в понимании критики. (Материалы для характеристики его творчества). М., 1905. С. 17–20, 21–23, 127–130; А. П. Чехов в значении русского писателя-художника. Из критической литературы о Чехове / Сост. Н. Покровский. М., 1906. С. 122–137; Антон Павлович Чехов. Его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей / Сост. В. Покровский. М., 1907. С. 575–590, 637–648, 800–805, 841–845.

*** *Созерцатель <Л. Е. Оболенский>.* Обо всем. (Критический этюд). «Иванов» драма А. Чехова // Русское богатство. 1889. № 3. С. 211.

**** *Оболенский Л. Е.* Не пора ли очнуться? (По поводу «Трех сестер» А. Чехова) // Россия. 1901. № 681. 19 марта. С. 3.

***** *Оболенский Л. Е.* Литературное обозрение: «Вишневый сад» А. Чехова; «Человек» М. Горького; «Василий Фивейский» Л. Андреева // Бессарабская жизнь. 1904. № 7. 7 ноября. С. 2–3.

А. П. Чудаков, «дело было не в “бенефисной” публике. Статьи о “Чайке” писала не она. Недостатки постановки влиятельное значение имели тоже недолгое время: меньше чем через два месяца пьеса была напечатана в “Русской мысли”, а через полгода вышла в составе сборника, и понимание ее перестало зависеть от случайностей сценической интерпретации. Меж тем отзывы лишь перестали быть грубыми по тону, но мало изменились по существу» (С 13, 375).

В защиту комедии от глумливых нападок критики, унижающих личность писателя, Оболенский выступил уже в конце января 1897 года на страницах газеты «Одесский листок» в статье «Печальное и радостное в текущей литературе» (здесь, между прочим, наряду с «Чайкой» он дал чрезвычайно высокую оценку сборнику И. А. Бунина «На край света и другие рассказы», сделав акцент на том, что дарование автора «представляет как бы сочетание таланта Ант. Чехова с глубокой вдумчивостью и общественной отзывчивостью Гаршина»): «От критиков усваивает себе такое же отношение к писателю и публика. Например, прелестной пьесе Антона Чехова “Чайка” публика позволяла себе шикать и даже свистать! И это лишь за то, что пьеса одного из самых талантливых современных беллетристов наших недостаточно сценична! А, между тем, прочтите ее на страницах “Русской мысли” и вы увидите, сколько в ней наблюдательности, чувства, мысли, освещающей совсем новые, еще никем не тронутые, уголки нашей жизни. Уже один вопрос о судьбе *семьи* (курсив автора. — *И. К.*) у талантливых корифеев сцены заставляет вас глубоко задуматься... И что же? О пьесе, — с ее литературной стороны, — до сих пор еще никто не сказал ни слова — ни в серьезной критике, ни в газетной!»*

В итоге Оболенский, не дождавшись адекватной критической реакции на «Чайку», сам откликнулся в той же газете на журнальную публикацию комедии. «Теперь “Чайка” напечатана в “Русской мысли”, и каждый может ознакомиться с нею, — писал критик. — На меня лично она производит впечатление редкого, давно не бывалого, высокоталантливого художественного произведения»**. Оболенский возражал и против высказывавшегося мнения, что «Чайка» не сценична: «По-моему, в “Чайке” все сценично и подчеркнуто настолько, чтобы не производить впечатления неестественности, а сохранить полную

---

* Оболенский Л. Е. Печальное и радостное в текущей литературе // Одесский листок. 1897. № 29. 31 января. С. 1.

** Оболенский Л. Е. Почему столичная публика не поняла «Чайки» Ант. Чехова? (Критический этюд) // Одесский листок. 1897. № 56. 1 марта. С. 1. Этот «критический этюд» с небольшими сокращениями включен в кн.: Кузичева А. П. А. П. Чехов в русской критике. Комментированная антология. 1887–1917. С. 132–134.

иллюзию действительной жизни. И в этом — главный смысл пьесы, ее основная идея — не шаблонна, в высшей степени оригинальна и глубока»*. По мнению автора статьи, оригинальной идеи и не поняла столичная публика, испорченная «пряностями и пикантностями новейшего псевдо-театра»**.

Передавая содержание комедии, критик сумел предложить любопытные характеристики разбираемым главным, с его точки зрения, персонажам. Так, Петр Николаевич Сорин, в представлении Оболенского, — «тип крайне интересный и совершенно новый в нашей беллетристике. Он человек “интеллигентный”, чуткий, гуманный, но совершенно не приспособленный к жизни... В собственном имени он — поэтому — не только не хозяин, но даже и не гость, за которым бы все-таки ухаживали»***. Ирина Николаевна Аркадина для критика — «уже пожилая особа», не желающая «сдаться наступающей старости; она не бросает сцены. Гастролирует в крупных провинциальных центрах, где пожинает лавры, как столичная знаменитость. Вся ее душа занята только двумя предметами — успехом на сцене и любовником <...>»****. Борис Алексеевич Тригорин, по словам критика, — «талантливый романист, <...> значительно усталый и от своей литературной работы, и от славы. Он дошел почти до ненависти к своей профессии <...>, но <...> все внимание его, все силы души направлены исключительно на писание новых и новых романов, на подыскивание для них тем, сцен, выражений, оборотов речи...». Если сопоставить, говорил Оболенский, Тригорина с Сориным и Аркадиной, то можно заметить, что все они — *люди, задавленные своей профессией* (здесь и далее курсив Оболенского. — И. К.). Тригорин только умеет лучше подметить и выразить эту “профессиональную” задавленность, а Сорин и Аркадина даже и не подозревают, что находятся в таком же состоянии <...> Но эти основные фигуры драмы составляют только фон ее. Они рисуют только общую, основную схему той действительности, среди которой разворачивается душевная драма молодых ее героев»*****.

Автор статьи значительное внимание уделил рассуждениям о «страстных» профессиональных стремлениях и намерениях Константина Гавриловича Треплева и Нины Михайловны Заречной,

---

* Оболенский Л. Е. Почему столичная публика не поняла «Чайки» Ант. Чехова? (Критический этюд) // Одесский листок. 1897. № 56. 1 марта. С. 1.

** Там же.

*** Там же.

**** Там же.

***** Там же.

приведших к драматической развязке. По его мнению, Треплев живет «с неудовлетворенной, вечно терзающей жаждой любви, нежности. Инстинкт подсказывает ему, что если *писатель* Тригорин любим матерью, то *писательство* играет тут не малую роль. И юноша сам рвется стать писателем. Однако тот же инстинкт подсказывает ему, что необходимо создать что-то особо выдающееся, необыкновенное, чтобы превзойти Тригорина. Быть может, у юноши просто нет достаточного таланта, чтобы на старом художественном пути создать нечто новое, выдающееся, и вот, он изобретает “новые пути” для искусства, напоминающие декадентство и символизм некоторых новейших новаторов (примечательно, что символистский журнал «Новый путь» и кадетская газета с таким же названием появятся только соответственно в 1903 и 1906 годах — *И. К.*)»*. Явно сочувствуя и даже симпатизируя Константину Гавриловичу, именуя его «юношей», Оболенский не без снисходительности относился к Нине Михайловне, «этой Нине», и полагал, что «история с любовью Треплева к Нине Заречной (“чайке”) является только вводным эпизодом, чрезвычайно поэтическим. Треплев привязывается к этой Нине, и она вначале, до приезда знаменитого романиста, сочувствует юноше. Но ореол славы, венчающий в ее глазах Тригорина, заставляет ее очень легко отдаться этому последнему, без всяких усилий с его стороны»**. Для критика «эта Нина» прежде всего представляла «весьма многочисленный тип современных девушек и женщин, — отчасти аналогичных с типом юного Треплева <...>»***.

Аттестуя наиболее значимых, с его точки зрения, персонажей «Чайки», Оболенский пришел к неутешительному выводу: «Перед вами картина полной безурядицы, где люди занимают места, берутся за профессии, к которым не имеют даже никакого влечения. В результате — общая сутолока, неудовлетворенность, недовольство, будничные муки — бесцельности, хаоса в жизни и мыслях... Вот общая картина драмы Чехова. Чтобы понять ее глубочайшую правду и значение, стоит только поглубже всмотреться в окружающую жизнь, зеркалом которой она является, и сравнить...»****.

И звучали такие слова удивительным диссонансом в общем, хотя и разноголосом, неприятии премьерного сценического воплощения пьесы в Александринском театре, о чем современный прозаик и эссеист И. Ю. Клех выразился хлестко и иронично: «Услышав приглушенные

---

* Там же.

** Там же.

*** Там же.

**** Там же.

разговорные интонации пьесы, обнаружив отсутствие сценических декламации и ора, сообразив, что автор и актеры собираются разговаривать с залом каким-то непривычным образом и не желают никого забавлять, разношерстная публика, сошедшаяся на бенефис комической актрисы Левкеевой, поначалу растерялась, а затем обозлилась (об этом убедительно, с отменным знанием закулисной театральной жизни писал в своих воспоминаниях Потапенко, сам отсутствовавший на премьере <...> в зале). И тогда на расправу — типа “Акела промахнулся!” — дружно поднялись и сбились в свору столичные рецензенты — поденщики, с трудом добившиеся своих мест и социального положения и теперь сладострастно мстящие обласканному фортуной и читателями таланту. К ним присоединились скрытые литературные завистники и недоброжелатели, поначалу крепившиеся, но к третьему акту уже без стеснения разделившие глумление и ликование... черни — другого слова не подобрать»*. Слова прозаика можно дополнить и известным суждением В. Я. Лакшина: «Бенефисная публика погубила пьесу, потому что не приняла не только ее формы, но сам ракурс взгляда на художественную среду, психологию “успеха”, профессиональное самодовольство. Апелляция к поискам смысла жизни, искусству, вдохновленному большими целями, вызвала попросту раздражение, переходившее уже и на саму личность автора»**. Свою оценку произошедшему выставил в известном чеховском жизнеописании и современный британский биограф писателя Д. Рейфилд: «Премьера “Чайки” закончилась скандалом в зрительном зале, какого не помнили российские театралы. Пьеса была поставлена не в том городе, не в том месяце, не в том театре, не с той труппой и, кроме того, перед предвзято настроенной публикой. <...> Мало кто представлял себе, что за пьесу им предстояло увидеть»***.

Петербургской публике, был убежден Оболенский, не хватило не столько желания, сколько умения думать о жизни, размышлять о ней и анализировать происходящие события, а критика, «которой у нас теперь и нет почти», не сумела ей помочь понять «эту замечательную пьесу». Думается, уместно привести в этой связи любопытные слова Вл. И. Немировича-Данченко, произнесенные спустя пять лет в письме к О. Л. Книппер-Чеховой: «Вспомните, как петербургская печать *заплевала* (выделено автором. — И. К.) “Чайку”! Не публика только,

---

* *Клех И.* Чехов: ich sterbe. (Версия) // Клех И. Светопреставление. [Повести. Рассказы. Эссе]. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 473–474. (Мастер-класс).

** *Лакшин В.* Провал. К загадкам чеховской «Чайки» // Театр. 1987. № 4. С. 90.

*** *Рейфилд Д.* Жизнь Антона Чехова / Пер. с англ. О. Макаровой. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. С. 540–541.

но и почти вся печать. И после чего по всей России установилось убеждение, что Чехов неудачный драматург. И он должен был глотать эту возмутительную несправедливость в течение нескольких лет, когда то там, то сям повторяли эту ложь»*.

Несомненно, заслуживает внимания и такой факт: именно статья Оболенского была отправлена драматургу как талантливая и убедительная, без излишней патетики публичная печатная поддержка в трудные для него времена. 4 марта 1897 года из Петербурга Ал. П. Чехов сообщал брату: «Посылаю бандеролью “Одесский листок”, № 56. Подчеркнутое красным карандашом — мое искреннее мнение. Не твоя вина, что ты ушел дальше века»**. Хотя и не установлено, какие места в статье оказались подчеркнуты Александром Павловичем, вероятно, «критический этюд» был прочитан Чеховым. Впрочем, никакого отклика со стороны писателя «на этот раз не последовало, что, видимо, объясняется его нежеланием говорить о пьесе, доставившей ему столько тяжелых минут»***.

А в заключение стоит вспомнить о том, что драматургия Чехова занимала весьма значительное место в театральном-критическом наследии сына Л. Е. Оболенского Леонида Леонидовича (1873–1930), известного советского партийного и культурного деятеля, в последний год своей жизни бывшего директором Эрмитажа, который активно сотрудничал в начале 1910-х годов в газете «Волгарь», выходившей в Нижнем Новгороде, где он тогда жил. Для него Чехов всегда оставался своеобразной точкой отсчета в понимании современной драмы и театра****. Критик не пропускал ни одной постановки чеховских пьес на нижегородской сцене, откликаясь на спектакли. Особенно актуальной для своего времени он считал как раз пьесу «Чайка». Л. Л. Оболенский посвятил ей специальную статью в газете в преддверии постановки, назначенной на 16 октября 1912 года, в которой пытался растолковать будущему зрителю смысл содержательных нюансов произведения. Удивительно, даже поразительно, но на следующий день ему пришлось в рецензии (Л. Л. «Чайка» А. П. Чехова // Волгарь. Нижний Новгород. 1912. № 286. 17 октября; перепечатана в «комментиро-

---

* *Немирович-Данченко Вл. И.* Избранные письма: в 2 т. Т. 1. 1879–1909. М.: Искусство, 1979. С. 233.

** Александр и Антон Чеховы. Воспоминания. Переписка / Сост., подг. текста и коммент. Е. М. Гушанской, И. С. Кузьмичёва. М.: Захаров, 2012. С. 732. (Биографии и мемуары).

*** *Кузичева А. П.* А. П. Чехов в русской критике. Комментированная антология. 1887–1917. Т. 1. «Театр молодого века...» (1887–1904). Т. 2. «От Чехова до наших дней». (1904–1917). М.; СПб.: Летний сад, 2007. С. 135.

**** См. об этом: *Кузичева А. П.* Указ. изд. С. 475–480.

ванной антологии» А. П. Кузичевой) на уже состоявшийся спектакль говорить о непонимании нижегородской публикой «Чайки», обижаться за актеров, вложивших в постановку и душу, и мастерство, но встретивших холодный прием зрителей. И еще. Л. Л. Оболенский предвидел нелегкие условия деятельности театра в новом веке и трудную судьбу русской классики в связи с кинематографом. К тому времени в провинции театр уже уступил первенство в соревновании с кино, с которым, и это тоже весьма любопытный факт, связал свою долгую, трудную, удивительную жизнь выдающийся русский киноартист и кинематографист, тоже Леонид Леонидович Оболенский (1902–1991), внук Леонида Егоровича, оставивший яркий след запоминающимися ролями и на телевидении.

